

Евгений Голубовский

«Настоящее поэтическое благородство»

Семен Кесельман. Стеклянные сны
Одесса, Всемирный клуб
одесситов, 2013
Тираж 150 нумерованных экз.
Редактор С. Луцик

Так охарактеризовал выступление Семена Кесельмана в 1923 году Эдуард Багрицкий, поэт, отнюдь не склонный к комплиментарным оценкам.

Как же так получилось, что в кругу одесских поэтов начала двадцатого века Семен Кесельман оказался на долгие годы забытым? Начнем с того, что поэтическая среда, в которую входили и Э. Багрицкий, и В. Ка-

таев, и Ю. Олеша, и многие, многие другие, возникла в городе с 1914 года. Именно когда литературный критик П. Пильский собрал юных мальчиков и девочек, чтобы прослушать их стихи (для «кастинга», сказали бы мы сегодня), то уже рядом с ним сидел Семен Кесельман, лет на десять старше тех, кого прослушивали.

Так вот, когда Кесельман начинал писать, в городе поэтической среды не было. Александр Митрофанович Федоров не в счет, он был и романистом, и драматургом, и лжеклассическим поэтом, но, главным образом, «хлебосольным хозяином».

Прозаики учились у Дорошевича, живого учителя у поэтов в Одессе не было.

Вне среды Кесельман входил в литературу, читая, много читая современную поэзию. И сегодня, когда благодаря подвижнической работе Сергея Лущика, завершенной Ольгой Барковской и Аленой Яворской, можно год за годом прочитать стихи Кесельмана, то путь его в поэзию становится понятным, зримым. Его увлечения, его разочарования и, в конце концов, его отказ от творчества.

Признаюсь, и я поэта Семена Кесельмана в окружении его младших современников, ставших вскоре знаменитыми, не разглядел. Я читал первые одесские альманахи – «Солнечный путь», «Шелковые фонари», но Кесельман в них, с его обычным для того времени подражанием символистам, не привлек моего внимания. В последующих альманахах, включая «Чудо в пустыне», Кесельман уже не публиковался. Но писал, но менялась его манера, стихи становились образней, точней, уверенней. Проследить это можно, извлекая его стихи из одесской периодики. И вот тут скрупулезное изучение Сергеем Зеноновичем Лущиком одесской литературно-художественной жизни принесло свои плоды. Он заинтересовался Кесельманом. Более того, нашел его вдову, а у нее архив неопубликованных стихов и графики Семена Кесельмана.

Для меня, как и для многих, Кесельман открылся, когда я расшифровывал, как в кроссворде, в «Алмазном моем венце» Валентина Катаева этот имя – эскес. Так, с маленькой буквы оно было написано в катаевском тексте, восхитился стилизованными «английскими» балладами этого поэта. И лишь потом узнал, что папка с архивом Кесельмана существует. Поэт не погиб в гетто, как написал Катаев первоначально, но после публикации Лущика внес правку в другие издания своей повести. Он умер своей смертью в 1940 году на руках любящей жены, сохранившей его архив. Признаюсь, с тех пор я не единожды уговаривал Сергея Лущика возродить, вернуть Кесельмана в литературу. Но у него был свой план – комментарии к «Уже написан Вертер», Вениамин Бабаджан, «Салоны Издебского». Наконец, очередь дошла и до Эскеса.

Кстати, этим псевдонимом Кесельман подписывал свои сатирические и юмористические стихи, а был он поклонником

и учеником Саши Черного. И нужно сказать, его сатира и юмор вполне вписывались в ту эпоху, они звучат, пусть менее злободневно, но и сегодня.

Вспомнил, как замечательный одесский художник из «Независимых» Исаак Малик в 1926 году сказал своим родным: «При этой власти я заниматься живописью не буду». И пошел преподавать рисунок в детский интернат.

У меня нет реальных подтверждений, но я чувствую, что человек, написавший в 1922 году стихотворение «Двадцать второй», последнее датированное им стихотворение, ощущал то же, что и Малик. В оправдому переквалифицироваться Семену Кесельману не было нужды. Он окончил Новороссийский университет и мог работать юрисконсультom в советских учреждениях. А во всех этих конторах типа треста «Геркулес» было не до поэзии. В 1923 году еще выступал на поэтическом вечере. И умолк.

И продолжал в Одессе жить совслужащим Семен Кесельман.

Составляя этот сборник, мы решали для себя проблему. Можно было бы выбрать из наследия Кесельмана только, на наш взгляд, лучшие стихи, и автор предстал бы в одном виде, можно было показать все творчество, все, что сохранилось в его архиве. Составители сознательно избрали второй путь, веря в читателя.

Вот и вернулся благодаря проницательности Сергея Лущика, его трудолюбию и энергии в одесскую поэтическую волну Семен Кесельман. Подчеркну, в этом и огромная заслуга Ольги Барковской и Алены Яворской, помогавших разбирать почерк поэта, сравнивать рукописи с публикациями в периодике. Вернулся поэт, чтобы определилось его место в одесской школе.

Как об Одессе шутили: «Не первый город, но и не второй», Так, думается, можно будет сказать и о Семене Кесельмане. И вновь приведу очень точную формулировку Эдуарда Багрицкого: «Настоящее поэтическое благородство». Будем же признательны и Евгению Деменку, который помог издать эту книгу, чтобы мы объемнее представили, каким был Серебряный век одесской поэзии.

